

Габриэль
Гарсиа Маркес

Нобелевская
премия

Невероятная и грустная история
о простодушной Эрендире
и ее жестокосердной бабушке

[рассказы]

Габриэль Гарсиа Маркес

**Невероятная и грустная
история о простодушной
Эрендире и ее жестокосердной
бабушке (сборник)**

«Издательство АСТ»

Маркес Г.

Невероятная и грустная история о простодушной Эрендире и ее жестокосердной бабушке (сборник) / Г. Маркес — «Издательство АСТ»,

ISBN 978-5-271-39855-1

Рассказы этого сборника относятся к «зрелому» периоду творчества великого латиноамериканского писателя, когда он уже достиг совершенства в прославившем его и ставшем его своеобразной «визитной карточкой» стиле магического реализма. Магия или гротеск могут быть забавными – или пугающими, сюжеты – увлекательными или весьма условными. Но чудесное или чудовищное неизменно становится частью реальности – таковы заданные писателем правила игры, которым с наслаждением следует читатель.

ISBN 978-5-271-39855-1

© Маркес Г.
© Издательство АСТ

Содержание

Старый-престарый сеньор с преогромными крыльями	5
Море исчезающих времен	9
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Габриэль Гарсия Маркес

Невероятная и грустная история о простодушной Эрендире и ее жестокосердной бабушке (сборник)

Старый-престарый сеньор с преогромными крыльями

На третьи сутки непрерывного дождя в доме накопилось столько убитых крабов, что Пелайо пришлось пройти по затопленному двору к морю и выкинуть их, поскольку у новорожденного ночью была температура – опасались заражения чумой. Мир был печальным, начиная со вторника. Небо и море были сотворены из чего-то одинакового, напоминающего пепел, а песок на берегу, сверкавший в марте, будто растертый в порошок свет, превратился в какое-то варево из тины и гниющих моллюсков. В полдень дневной свет был так скуден, что когда Пелайо возвращался, выбросив крабов в море, ему большого труда стоило разглядеть, как что-то шевелится и стонет в глубине двора. Пришлось подойти совсем близко, и тогда он увидел какого-то старика, упавшего ничком в непролазную грязь, который, несмотря на отчаянные усилия, не мог подняться – мешали огромные крылья.

Напуганный кошмарным видением Пелайо бросился на поиски Элисенды, жены, которая ставила больному ребенку компресс, и потащил ее в глубину двора. Оба рассматривали упавшее тело с молчаливым ужасом. Одет он был как старьевщик. Несколько бесцветных пряжей едва прикрывали лысый череп, зубов почти не было, а жалкое положение размякшего старца лишало его всякого величия. Большие петушиные крылья, грязные и сильно облезшие, навсегда увязли в топкой грязи. Пелайо и Элисенда рассматривали его так тщательно и с таким вниманием, что вскоре оправились от изумления и даже обнаружили в нем что-то знакомое. Тогда, осмелев, они заговорили с ним, и он ответил на непонятном им языке, голосом, какой бывает у моряков. В конце концов, оставив без внимания крылья, они очень разумно заключили, что это кто-то потерпевший кораблекрушение, с какого-нибудь иностранного корабля, унесенного бурей.

Однако они позвали соседку, знавшую все о жизни и смерти, чтобы та взглянула на него, и ей достаточно было одного взгляда, чтобы избавить их от ошибки.

– Это ангел, – сказала она им. – Я уверена – он летел за ребенком, но бедняга так стар, что его сбило дождем.

На следующий день все знали, что Пелайо держит у себя ангела во плоти и крови. Вопреки утверждению мудрой соседки, что ангелы нынешних времен – это беглецы, спасшиеся после какого-то заговора на небесах, не хватало духу забить его палками. Целый вечер Пелайо сторожил его из кухни, вооружившись своей дубинкой альгвасила, а перед тем как лечь спать, волоком вытащил его из грязи и запер вместе с курами в проволочном курятнике. В полночь, когда кончился дождь, Пелайо и Элисенда все еще убивали крабов. Немного позже ребенок проснулся с нормальной температурой и захотел есть. Тогда на них напало великодушные, и они решили сделать ангелу плот, снабдить подслащенной водой и провизией на три дня и предоставить собственной судьбе в открытом море. Но когда с первыми лучами солнца они вышли во двор, то обнаружили около курятника всех своих соседей, которые, глядя на ангела, всячески развлекались без малейшего признака набожности и бросали ему кусочки еды сквозь отверстия проволочной сетки, будто это было не сверхъестественное существо, а какой-нибудь зверь в цирке.

Еще до семи прибыл отец Гонсага, встревоженный несуразной новостью. К этому времени появились любопытные, менее легкомысленные, чем те, что на рассвете, и стали строить самые разнообразные догадки относительно будущей судьбы пленника. Наиболее простодушные считали, что его нужно назначить алькальдом. Другие, более суровые духом, предполагали, что он получит пять генеральских звезд и выиграет все войны. Некоторые фантазеры рассчитывали, что он будет сохранен «на племя» для выведения на земле нового вида крылатых и мудрых людей, которые возьмут на себя все тяготы вселенной. Но отец Гонсага, до того как стать священником, был здоровенным лесорубом. Высунувшись из-за проволочной изгороди, он с минуту повторял катехизис, а потом попросил открыть дверь, чтобы поближе рассмотреть сего достойного жалости мужа, более похожего на огромную дряхлую курицу среди всполошившихся кур. Забившись в угол, тот сушил на солнце распростертые крылья, а вокруг валялась кожа от фруктов и остатки завтраков, которые накидали ему полуночники. Чуждый всеобщему нахальству, он едва поднял глаза, похожие на глаза антиквара, и прошептал что-то на своем языке, когда отец Гонсага вошел в курятник и поздоровался с ним на латыни. Первый раз святого отца заподозрили в обмане, убедившись, что он не знает языка Бога и не умеет приветствовать Его посланцев. Он же, при ближайшем рассмотрении, обнаружил в посланце слишком много человеческого: от него непереносимо несло сыростью, крылья изнутри были облеплены водорослями, а маховые перья были истреplены земными ветрами, и ничто в его жалком облике не напоминало о присущем ангелам достоинстве. Отец Гонсага вышел из курятника и обратился к любопытным с небольшой проповедью, предостерегая их от опасности простодушия. Он напомнил им, что дьявол имеет скверную привычку прибегать к маскарадным средствам, дабы смущать неосторожных. Он привел следующий довод: если крылья не могут служить основным признаком определения разницы между ястребом и аэропланом, то еще меньше по ним можно распознать ангела. Однако он обещал написать письмо епископу, с тем чтобы тот написал еще более высокому лицу, которое, в свою очередь, написало бы папе римскому, и, таким образом, окончательный вердикт будет исходить от суда самого высочайшего.

Его благоразумие нашло отклик в простых сердцах. Весть о плененном ангеле распространилась с такой быстротой, что через несколько часов во дворе стало оживленно, как на рынке, и пришлось вызвать отряд карабинеров, чтобы утихомирить толпу, чуть не развалившую дом. У Элисенды спина не разгибалась – столько мусора приходилось выметать из-за этого столпотворения, и тогда ей пришла в голову дельная мысль обнести двор забором и собирать по пять сентаво за вход, чтобы посмотреть на ангела.

Пришли любопытные даже с Мартиники. Появился бродячий цирк с летающим акробатом, который несколько раз со свистом пролетел над толпой, но никто не обратил на него внимания, потому что крылья у него были не как у ангела, а как у летучей мыши в звездном небе. В надежде на исцеление пришли самые несчастные больные с берегов Карибского моря: бедная женщина, которая с детства считала удары своего сердца, а число их все не доходило до нужного; ямаец, который не мог спать, потому что ему мешало шуршание звезд; лунатик, который вставал посреди ночи и во сне разрушал то, что сделал наяву, и многие другие – в менее тяжелом состоянии. Посреди всего этого беспорядочного нашествия, от которого дрожала земля, – Пелайо и Элисенда, усталые от счастья, потому что меньше чем за неделю они набили деньгами свои комнаты, а вереница паломников, ожидавших своей очереди войти, все тянулась до самого горизонта.

Ангел был единственным, не принимавшим участия в событиях, коих был причиной. Он то и дело переходил с места на место в своем временном гнезде, потому что у него кружилась голова от адской жары, распространяемой масляными лампами и жертвенными свечами, придвинутыми к проволочной сетке. Сначала его пытались кормить кристаллами камфары, которые, как утверждала мудрая соседка, были специальной пищей ангелов. Но он отказался и от них, и, даже не попробовав, от картошки, которую приносили ему исповедующиеся, и

кончил тем, что стал есть только кашичу из баклажанов – не то по старости, не то потому, что она-то и была пищей ангелов. Его единственным сверхъестественным достоинством, казалось, было терпение. Особенно поначалу, когда курицы клевали его, выискивая небесных насекомых, расплотившихся в его крыльях, а изможденные болезнями паломники выщипывали у него перья и прикладывали их к больным местам, наиболее же благочестивые из них бросали в него камешки, чтобы он встал, – посмотреть на него во весь рост. Только один раз его расшевелили, когда прижгли бок клеймом для молодых бычков, поскольку он лежал без движения столько времени, что его сочли умершим. Вздрогнув, он проснулся, что-то бормоча на неведомом языке, со слезами на глазах, и два раза взмахнул крыльями, подняв тучи желто-лунной пыли и куриного помета и вызвав такой приступ паники, какого раньше и на свете не было. Хотя многие решили, что его действия вызваны не гневом, а болью, все-таки с тех пор его остерегались беспокоить, потому что большинству стало ясно, что бездеятельность его – это не бездеятельность героя, удалившегося от дел, просто он отдыхает после пережитого потопа.

Отец Гонсага, в ожидании окончательного суждения о происхождении пленника, пытался противостоять нахальным выходкам толпы, увещевая ее с доморощенным вдохновением. Но письмо из Рима не обещало быстрого решения вопроса. Там тратили время на то, чтобы узнать, есть ли у пойманного пуп, не похож ли язык, на котором он говорит, на арамейский, может ли он несколько раз подряд упасть на булавоочное острие, и вообще, может быть, это просто крылатый норвежец.

Эти осторожные письма ходили бы туда-сюда до скончания века, если бы вдруг само Провидение не вмешалось и не положило конец терзаниям преподобного отца.

Случилось так, что в эти самые дни один из многочисленных бродячих цирков, путешествующих по берегам Карибского моря, показывал в городке, среди прочего, очень грустное зрелище – женщину, превратившуюся в паука из-за непослушания родителям. Мало того что плата за вход была меньше той, которую платили, чтобы посмотреть на ангела, – ей можно было задавать любые вопросы о невероятном превращении и рассматривать ее со всех сторон, чтобы уж никто не мог усомниться в подлинности кошмарного происшествия. Это был жуткий тарантул величиной с барана и с лицом грустной молодой девушки. Но самым душераздирающим был не ее нелепый вид, а неподдельная скорбь, с которой рассказывала она подробности своего несчастья: она была почти девочкой, когда однажды убежала из родительского дома на танцы, а когда, протанцевав без разрешения всю ночь, возвращалась лесом домой, небо вдруг со страшным грохотом разверзлось посередине и из этой трещины появилась серная молния, превратившая ее в паука. Единственной пищей девушки были катышки из мясного фарша, которые иные добрые души кидали ей прямо в рот. Подобное зрелище, полное такой жизненной правды и такой суровой морали, само того не ведая, отбило охоту смотреть на надменного ангела, едва удостаивавшего взглядом простых смертных. Кроме того, те немногие чудеса, которые связывали с ангелом, производили определенный беспорядок в умах: например, слепой, к которому зрение не вернулось, зато у него выросли три новых зуба, или паралитик, который так и не стал ходить, но чуть было не выиграл в лотерею, или прокаженный, у которого на язвах выросли подсолнухи. Эти малоутешительные чудеса, больше похожие на насмешку, уже и так подорвали авторитет ангела, а женщина-паук окончательно свела его на нет. Вот так и получилось, что отец Гонсага навсегда избавился от бессонницы, а во дворе у Пелайо стало так безлюдно, как в те времена, когда три дня подряд лил дождь и крабы разгуливали по комнатам.

Хозяевам дома не на что было жаловаться. На собранные деньги они построили большой двухэтажный дом, с балконами и садом, сделали везде высокие пороги, чтобы зимой в дом не проникали крабы, а окна забрали железными решетками, чтобы не проникали ангелы. К тому же Пелайо устроил неподалеку от города крольчатник и напроочь отказался от должности альгвасила, а Элисенда купила лакированные тувельки на высоких каблуках и платья из пере-

ливчатого шелка, которые в те далекие времена надевали по воскресеньям дамы, вызывающие зависть. Единственное, на что не обращали внимания, был курятник. Если его иной раз мыли с карболкой и жгли в нем капельки мирры, так это не из уважения к ангелу, а чтобы из-за туч куриного помета не распространилась чумная зараза, бродившая везде, как призрак, и превращавшая новые дома в старые. Сначала, когда ребенок стал ходить, они остерегались подпускать его близко к курятнику. Потом постепенно забыли о страхе и попривыкли к чуме, и к тому времени, когда у ребенка выпали молочные зубы, он вовсю играл в курятнике, проволока у которого сгнила и отваливалась кусками. Ангел был с ним не более приветлив, чем с прочими смертными, однако выносил его самые изобретательные гнусности с кротостью собаки, давно лишившейся иллюзий. Оба одновременно перенесли ветрянку. Врач, лечивший ребенка, не устоял от соблазна осмотреть ангела и обнаружил у него такие шумы в сердце и такие камни в почках, что вообще было поразительно, почему он еще жив. Однако особенно его удивило, как растут крылья. Они были настолько естественны для этого вполне человеческого организма, что оставалось только удивляться, почему их нет у остальных людей.

К тому времени, когда ребенок пошел в школу, солнце и дожди окончательно завершили разрушение курятника. Ангел слонялся то здесь, то там, похожий на неприкаянного умирающего. Его выгоняли метлой из спальни, а через минуту видели в кухне. Казалось, он был одновременно в разных местах, так что начали уже подумывать, не раздваивается ли он, населяя двойниками весь дом, а выведенная из себя, раздраженная Элисенда кричала: «Какое несчастье – жить в этом аду, полном ангелов!» Он почти не мог есть, его глаза антиквара стали такими мутными и незрячими, что он наткался на дверные косяки, а оставшиеся перья облезли до самых верхушек. Пелайо накинул ему на плечи одеяло и проявил доброту, позволив спать в сарае, и тогда только они заметили, что ночью у него поднялась температура и что он скороговоркой повторял что-то в бреду на старонорвежском языке. Это был тот редкий случай, когда они встревожились, потому что думали – он умрет, и даже мудрая соседка не знала, что делают с умершими ангелами.

Однако он не только пережил худшую свою зиму, но с первыми лучами солнца ему стало заметно лучше. Целыми днями он неподвижно сидел в самом отдаленном углу двора, где его никто не мог видеть, а в начале декабря на крыльях стали отрастать большие и крепкие перья, перья большой старой птицы, будто новая победа над старостью. Но он, должно быть, знал причину этих изменений, потому что тщательно охранял их от посторонних глаз, а иногда, когда никто не слышал, напевал при свете звезд песни моряков. Однажды утром, когда Элисенда нарезала к завтраку колечки лука, в кухню ворвался, будто в открытом море, порыв ветра. Тогда она выглянула в окно и с удивлением увидела ангела, пытавшегося взлететь. Попытки были так неловки, что он проделал крыльями, как плугом, борозды на грядках с овощами и чуть не развалил сарай, взмахивая своими несуразными крыльями, которые подскальзывались на солнечных лучах, не находя в воздухе опоры. Все-таки ему удалось набрать высоту. У Элисенды вырвался вздох облегчения, за себя и за него, когда она увидела, как он пролетает над последними домами, всеми способами удерживая себя в воздухе отчаянными взмахами крыльев старого ястреба. Она видела его, когда уже невозможно было видеть, потому что теперь он был уже не какой-то помехой в ее жизни, а воображаемой точкой на горизонте, уходящем в морскую даль.

Море исчезающих времен

В конце января море стало беспокойным, приносило в поселок множество мусора, и через несколько недель все было донельзя пропитано влагой. С этих пор все стало как-то ни к чему, по крайней мере до следующего декабря, и после восьми все уже засыпали. Но в тот год, когда появился сеньор Эрберт, море не изменилось даже в феврале. Наоборот, с каждым днем оно становилось все более тихим и сверкающим, а в первые ночи марта выдохнуло запах роз.

Тобиас услышал его. Его нежная кожа нравилась крабам, и большую часть ночи он проводил, отпугивая их от постели, до тех пор, пока не начинался бриз и ему не удавалось наконец заснуть. За долгие часы бессонницы он научился различать малейшие изменения, происходившие снаружи. Так что когда он услышал запах роз, ему не нужно было открывать дверь, чтобы убедиться – это запах с моря.

Встал он поздно. Клотильда разжигала огонь во дворе. Дул свежий бриз, и каждая звезда была на своем месте, однако над горизонтом их было бы трудно сосчитать – так светилась вода. Выпив кофе, он ощутил на небе привкус ночного запаха.

– Вчера вечером, – вспомнил он, – произошло нечто очень странное.

Клотильда, разумеется, ничего не заметила. Она спала так крепко, что даже не помнила своих снов.

– Запах роз, – сказал Тобиас, – и я уверен, он шел от моря.

– Уж не знаю, откуда здесь пахнуть розам, – сказала Клотильда.

Пожалуй, это было так. Земля в поселке была сухой и бесплодной, на четверть из селитры, и только иногда кто-нибудь привозил из других мест букет цветов, чтобы бросить его в море, в том месте, куда бросали умерших.

– Это тот самый запах, который шел от утопленника из Гуакамайяля, – сказал Тобиас.

– Вот как, – улыбнулась Клотильда, – если это приятный запах, можешь быть уверен – он не от этого моря.

Это и в самом деле было жестокое море. Бывало, что сетями вылавливали только жидкую грязь, а во время отлива улицы поселка сплошь были усеяны дохлой рыбой. От динамита же на поверхности появлялись только остатки бывших кораблекрушений. Те немногие женщины, которые еще были в поселке, как и Клотильда, всегда раздражались, когда стряпали. И так же, как она, жена старого Хакоба, вставшая в то утро раньше обычного, начала убирать в доме, а завтракать села с враждебным лицом.

– Мое последнее желание, – сказала она мужу, – чтобы меня похоронили живой.

Она сказала это, будто лежала на смертном одре, хотя сидела за столом, в комнате с большими окнами, сквозь которые струилось и разливалось по всему дому мартовское солнце. Напротив нее, голодный больше обычного, сидел старый Хакоб, человек, любивший ее так сильно и так давно, что не понимал ничьих страданий, если только речь шла не о его жене.

– Я хочу умереть будучи уверенной, что меня похоронят в земле, как всех честных людей, – продолжала она. – Единственный способ это знать – идти куда-нибудь и умолять о милости похоронить меня живой.

– Не нужно тебе никого умолять, – сказал старый Хакоб с обычным спокойствием. – Я сам с тобой пойду.

– Тогда идем, – сказала она, – потому что я умру очень скоро.

Старый Хакоб пристально посмотрел на нее. Только глаза у нее оставались молодыми. Суставы обтянуты кожей, и вся она такая же, как эта пустынная земля – с давних времен и всегда.

– Сегодня ты выглядишь хорошо, как никогда, – сказал он ей.

– Вчера вечером, – вздохнула она, – я слышала запах роз.

– Не волнуйся, – успокоил ее старый Хакоб. – С бедняками это случается.

– Дело не в этом, – сказала она. – Я всегда молилась о том, чтобы меня заблаговременно предупредили о смерти – хотела успеть умереть подальше от этого моря. Запах роз в этом поселке – не что иное, как предупреждение Бога.

Старому Хакобу не оставалось ничего другого, как попросить ее о небольшой отсрочке для улаживания кое-каких дел. Когда-то он слышал, что люди умирают не когда нужно, а когда хотят, и его всерьез обеспокоили предсказания жены. Он даже спросил себя: если ее час настал, может, и правда лучше похоронить ее живой?

В девять он открыл комнату, где раньше была лавка. Поставил у входа два стула и столик с доской для шашек и все утро играл со случайными партнерами. Со своего места ему виден был развалившийся поселок, облупившиеся дома с проглядывавшей кое-где прежней краской, изъеденной солнцем, и кусочек моря – там, где кончалась улица.

До обеда он, как всегда, играл с доном Максимо Гомесом. Старый Хакоб не мог представить себе более человеческого противника, чем этот, прошедший невредимым две гражданские войны и только в третьей потерявший один глаз. Нарочно проиграв ему одну партию, он уговорил его сыграть вторую.

– Вот скажите мне, дон Максимо, – спросил он, – вы бы смогли похоронить живой свою жену?

– Наверняка, – сказал дон Максимо Гомес. – Поверьте: и рука бы не дрогнула.

Старый Хакоб удивленно промолчал. Потом, нарочно отдав свои лучшие фигуры, вздохнул:

– Это я к тому, что Петра вроде собралась умирать.

Выражение лица дон Максимо не изменилось. «В таком случае, – сказал он, – нет необходимости хоронить ее живой». Он «съел» две фигуры и вывел одну в дамки. После этого устремил на партнера единственный глаз, увлажненный грустной слезой.

– А что с ней такое?

– Вчера вечером, – объяснил старый Хакоб, – она слышала запах роз.

– Тогда должно перемереть полпоселка, – сказал дон Максимо Гомес. – Сегодня утром все только об этом и говорят.

Старый Хакоб приложил много усилий, чтобы снова проиграть, не обидев его. Он убрал стол и оба стула, закрыл лавку и отправился искать кого-нибудь, кто слышал запах роз. Но только Тобиас мог подтвердить это с уверенностью. Так что старый Хакоб попросил его зайти к ним, сделав вид, будто просто шел мимо, и все рассказать его жене.

Тобиас согласился. В четыре часа, приведя себя в порядок, как и полагается идя в гости, он появился на внутренней галерее, где жена целый день трудилась, приготавливая старому Хакобу одежду для траура.

Он вошел так тихо, что женщина вздрогнула.

– Боже милостивый, – вскрикнула она, – я уж думала – это архангел Гавриил.

– А теперь видите, что нет, – сказал Тобиас. – Это я, пришел рассказать вам одну вещь. Она поправила очки и снова принялась за работу.

– Знаю я, что это за вещь, – сказала она.

– А если нет? – сказал Тобиас.

– Вчера вечером ты слышал запах роз.

– Откуда вы знаете? – спросил Тобиас, растерявшись.

– В моем возрасте, – сказала женщина, – столько времени тратишь на размышления, что в конце концов становишься ясновидящей.

Старый Хакоб, приложивший ухо к перегородке в комнатке позади лавки, выпрямился, пристыженный.

– Что скажешь, жена? – крикнул он из-за перегородки. Он обошел вокруг и появился на галерее. – Значит, это не то, что ты думала.

– Этот парень все выдумал, – сказала она, не поднимая головы. – Ничего он не слышал.

– Было около одиннадцати, – сказал Тобиас, – я отгонял крабов.

Женщина кончила зашивать воротник.

– Выдумки, – повторила она. – Все знают, что ты лгун. – Она откусила нитку и посмотрела на Тобиаса поверх очков. – Одного я не понимаю: так старался – ботинки почистил, волосы напмадил, и все это для того, чтобы прийти и показать, что не очень-то ты меня уважаешь.

С этого дня Тобиас начал следить за морем. Он повесил гамак на галерее, во дворе, и ждал ночи напролет, с удивлением прислушиваясь к тому, что происходит в мире, когда все спят. Много ночей подряд он слышал, как отчаянно царапаются крабы, пытаясь залезть в гамак по опорам, столько ночей, пока они сами не устали от своих попыток. Теперь он знал, как спит Клотильда. Оказывается, она издавала свист, похожий на звук флейты, который становился тоньше по мере нарастания жары и наконец тихо звучал на одной ноте в тяжелом июльском сне.

Сначала Тобиас следил за морем, как это делают те, кто хорошо его знает, – глядя в одну точку на горизонте. Он видел, как оно меняет цвет. Видел, как оно тускнеет, становится пенным и грязным, и как выплевывает горы отбросов, когда сильные дожди переворачивают его расходившиеся кишки. Мало-помалу он научился следить за ним, как это делают те, кто знает его лучше, – может быть, не глядят на него, но не забывают, какое оно, даже во сне.

В августе умерла жена старого Хакоба. На рассвете ее нашли мертвой и, как всех умерших, бросили в море без цветов. А Тобиас все ждал. Он так ждал, что ожидание стало его жизнью. Однажды ночью, когда он дремал в гамаке, ему почудилось, как что-то в воздухе изменилось. То появлялся, то исчезал какой-то запах, как в те времена, когда японское судно вывалило рядом с поселком груз с гнилым луком. Потом запах устоялся, и до рассвета ничего не менялось. И только когда стало казаться, что его можно взять в руки, чтобы кому-то показать, Тобиас вылез из гамака и пошел в комнату Клотильды. Он встряхнул ее несколько раз.

– Вот он, – сказал он ей.

Клотильде пришлось пальцами снять с себя запах, как паутину, чтобы приподняться. Потом она снова упала на мягкую простыню.

– Будь он проклят, – сказала она.

Тобиас одним прыжком достиг двери, выбежал на середину улицы и закричал. Он кричал изо всех сил, потом перевел дух и снова закричал, подождал немного и глубоко вздохнул – запах над морем не исчезал. Но никто не отозвался. Тогда он стал стучаться во все дома, даже в те, где никто не жил, пока в этом переполохе не приняли участие собаки и он не перебудил всех.

Многие ничего не чувствовали. Зато другие, особенно старики, шли на берег, чтобы вдыхать его. На рассвете запах был так чист, что жалко было дышать.

Тобиас спал почти целый день. Клотильда добралась до него только во время сиесты, и целый вечер они резвились в постели, открыв дверь во двор. Они то сплетались, как черви, то были похожи на двух кроликов или на двух черепах, пока не начало смеркаться и мир не потускнел. В воздухе еще пахло розами. Иногда в комнату долетали звуки музыки.

– Это у Катарина, – сказала Клотильда. – Должно быть, кто-нибудь пришел.

Пришли трое мужчин и одна женщина. Катарина подумал, что попозже могут прийти еще, и решил наладить радиолу. Поскольку сам он не мог, то попросил об одолжении Панчо Апаресидо, который мог все, что угодно, потому что ему всегда было нечего делать, а кроме того, у него был ящик с инструментами и умные руки.

Лавка Катарина была в деревянном доме, стоявшем поодаль, у самого моря. В ней была большая комната со стульями и столиками и несколько комнат в глубине. Пока разглядывали

работу Панчо Апаресидо, трое мужчин и женщина молча пили, сидя за стойкой, и по очереди зевали.

Радиола действовала безотказно, сколько ни пробовали. Услышав музыку, далекую, но ясную, люди умолкали. Они смотрели друг на друга, не зная, что сказать, и только тут понимали, как состарились с тех пор, когда последний раз слышали музыку.

Тобиас обнаружил, что после девяти еще никто не спал. Все сидели у дверей и слушали старые пластинки Катарина с детской покорностью неизбежному, с какой созерцают солнечное затмение. Каждая пластинка будто говорила, что ты давно уже умер, или о чем-то, что нужно было вот-вот сделать, но чего никогда не делали по забывчивости, – это было как ощущать вкус пищи после продолжительной болезни.

Музыка кончилась в одиннадцать. Многие легли спать, опасаясь дождя, потому что над морем появилась темная туча. Но туча опустилась, подержалась немного на поверхности, а потом растворилась в воде. Наверху остались только звезды. Немного позже ветер, дувший от поселка к морю, принес, возвращаясь обратно, запах роз.

– Я же говорил вам, Хакоб, – воскликнул дон Максимо Гомес. – Опять он здесь. Уверен – теперь мы будем слышать его каждую ночь.

– Бог этого не допустит, – сказал старый Хакоб. – Этот запах – единственное, что пришло ко мне в жизни слишком поздно.

Они сидели в пустой лавке и играли в шашки, не обращая внимания на музыку. Их воспоминания были такими древними, что не было пластинок достаточно старых, которые могли бы их воскресить.

– Я-то со своей стороны не очень верю во все это, – сказал дон Максимо Гомес. – Если столько лет жить, питаясь голой землей, с женщинами, мечтающими каждая о маленьком дворике, где она могла бы посадить цветы, ничего странного не будет, если в конце концов начнешь и не такое чувствовать и поверишь, что все это на самом деле.

– Да, но мы чувствуем это собственным носом, – сказал старый Хакоб.

– Это не важно, – сказал дон Максимо Гомес. – Во время войны, когда революция уже потерпела поражение, нам так хотелось иметь командира, что нам явился герцог Мальборо, во плоти и крови. Я видел его собственными глазами, Хакоб.

Было уже за полночь. Оставшись один, старый Хакоб закрыл лавку и перенес лампу в спальню. В квадрате окна, которое вырисовывалось на фоне светящегося моря, он видел скалу, откуда бросали умерших.

– Петра, – тихо позвал он.

Она не слышала его. В эту минуту она плыла, будто водяной цветок, в сверкающем полдне Бенгальского залива. Она подняла голову, чтобы видеть сквозь воду, как через освещенный витраж, огромную Атлантику. Но она не видела своего мужа, который в этот момент снова услышал, с другого конца света, радиолу Катарина.

– Ты подумай, – сказал старый Хакоб. – Еще и полгода не прошло с тех пор, как все решили, что ты сумасшедшая, а теперь сами радуются этому запаху, принесшему тебе смерть.

Он погасил лампу и лег в постель. Он плакал тихо, не находя облегчения, хныча по-стариковски, но скоро заснул.

– Я уехал бы отсюда, если б мог, – всхлипывал он во сне, – уехал бы к чертовой матери, если бы имел хоть двадцать песо.

С этой ночи в течение еще нескольких недель запах с моря не исчезал. Им пропитались деревянные дома, продукты и питьевая вода, и не было места, где бы он не был слышен. Многие боялись обнаружить его в испарении собственных испражнений. Те мужчины и женщина, что пришли в лавку Катарина, в четверг ушли, но вернулись в субботу с целой толпой. В воскресенье пришли еще люди. Они кишели везде, где только можно, в поисках еды и ночлега, так что стало невозможно пройти по улице.

Приходили еще и еще. В лавку Катарино вернулись женщины, покинувшие поселок, когда оттуда ушла жизнь. Они стали еще толще и еще размалеваннее и принесли с собой модные пластинки, никому и ничего не напоминавшие. Пришел кое-кто из прежних жителей поселка. Они уходили, чтобы в других местах набить карманы деньгами, и, вернувшись, рассказывали о своей удаче, но одеты они были в то же, в чем когда-то уходили. Появились музыканты и лотереи, где выигрывали и деньги и вещи, пришли предсказатели судьбы, и наемные убийцы, и люди с живой змеей на шее, продававшие эликсир бессмертия. Они все приходили и приходили, в течение нескольких недель, даже когда начались дожди и море стало беспокойным, а запах исчез.

Одним из последних пришел священник. Он появлялся всюду, ел хлеб, обмакивая его в кофе с молоком, и мало-помалу стал запрещать все, что появилось до него: и лотереи, и новую музыку, и как под нее танцуют, и даже недавний обычай спать на берегу. Однажды вечером, в доме Мельчора, он произнес проповедь о запахе с моря.

– Возблагодарим же небеса, дети мои, – сказал он, – потому что это запах, посланный Богом.

Кто-то перебил его:

– А как можно это узнать, святой отец, если раньше его никто не слышал?

– В Священном Писании, – сказал он, – ясно сказано об этом запахе. Поселок этот – избранное место.

Тобиас, как сомнамбула, ходил туда-сюда среди всеобщего празднества. Он принес Клотильде деньги, чтобы она знала, какие они. Они представляли себе, как выиграют в рулетку кучу денег, потом произвели подсчеты и почувствовали себя несказанно богатыми с той суммой, которую могли бы выиграть. Но однажды вечером не только они, но и огромная толпа, заполнившая поселок, увидели гораздо больше денег сразу, чем когда-либо могли себе представить.

Это было в тот вечер, когда пришел сеньор Эрберт. Он появился неожиданно, поставил посреди улицы стол и водрузил на него два больших баула, доверху набитые банкнотами. Денег было столько, что вначале на них никто не обратил внимания, – невозможно было поверить, что все это на самом деле. Но когда сеньор Эрберт зазвонил в колокольчик, ему наконец поверили и стали подходить ближе – послушать.

– Я самый богатый человек на свете, – сказал он. – Денег у меня столько, что я не знаю, куда их складывать. Но кроме того, сердце мое так велико, что не умещается в груди, поэтому я принял решение идти по свету и разрешать проблемы рода человеческого.

Он был крупный и краснолицый. Говорил громко и без пауз, жестикулируя мягкими, вялыми руками, производившими впечатление только что выбритых. Он говорил в течение четверти часа, потом передохнул. Потом снова позвонил в колокольчик и снова заговорил. Посредине речи кто-то из собравшихся перебил его, помахав шляпой:

– Да хватит, мистер, кончайте говорить и начинайте раздавать деньги.

– Но не так же, – ответил сеньор Эрберт. – Раздавать деньги ни с того ни с сего – совершенно бессмысленно, не говоря уже о том, что это несправедливо.

Он задержал взгляд на говорившем и поманил его пальцем. Толпа расступилась.

– Все будет иначе, – продолжал сеньор Эрберт, – с помощью нашего нетерпеливого друга мы продемонстрируем сейчас наиболее справедливый способ распределения богатств. Как тебя зовут?

– Патрисио.

– Прекрасно, Патрисио, – сказал сеньор Эрберт. – Как у всех, у тебя наверняка есть проблема, которую ты никак не можешь разрешить.

Патрисио снял шляпу и кивнул.

– Какая же?

– Проблема у меня такая, – сказал Патрисио, – денег нет.

– И сколько тебе нужно?

– Сорок восемь песо.

Сеньор Эрберт издал торжествующий возглас. «Сорок восемь песо», – повторил он. Толпа одобрительно зашумела.

– Прекрасно, Патрисио, – продолжал сеньор Эрберт. – А теперь скажи нам: что ты умеешь делать?

– Много чего.

– Выбери что-нибудь одно, – сказал сеньор Эрберт. – То, что умеешь лучше всего.

– Ладно, – сказал Патрисио. – Я умею подражать пению птиц.

Снова послышался одобрительный шум, и сеньор Эрберт обратился к собравшимся:

– А теперь, сеньоры, наш друг Патрисио, который великолепно подражает пению птиц, изобразит нам пение сорока восьми разных птиц и таким образом решит величайшую проблему своей жизни.

И тогда Патрисио, перед удивленно притихшей толпой, начал имитировать пение птиц. То свистом, то клекотом он изобразил всех известных птиц, а чтобы набрать нужное число – и таких, которых никто не мог узнать. Наконец сеньор Эрберт попросил собравшихся поаплодировать и отдал ему сорок восемь песо.

– А сейчас, – сказал он, – подходите один за другим. До этого же часа завтрашнего дня я буду здесь, чтобы разрешать проблемы.

Старый Хакоб узнавал о происходящей суматохе из разговоров проходивших мимо людей. От всякого нового сообщения сердце у него распирало, каждый раз все больше и больше, пока он не почувствовал, что оно вот-вот разорвется.

– Что вы думаете об этом гринго? – спросил он.

Дон Максимо Гомес пожал плечами:

– Может быть, он филантроп.

– Если бы я умел что-нибудь делать, – сказал старый Хакоб, – я тоже мог бы решить свою маленькую проблему. У меня ведь и вовсе ерунда: двадцать песо.

– Вы отлично играете в шашки, – сказал дон Максимо Гомес.

Старый Хакоб, казалось, не обратил внимания. Но, оставшись один, завернул в газету игральную доску и коробку с шашками и отправился на поединок с сеньором Эрбертом. Он ждал своей очереди до полуночи. Наконец сеньор Эрберт нагрузился своими баулами и попрощался до следующего утра.

Он не пошел спать. Он появился в лавке Катарино, в сопровождении мужчин, которые несли его баулы, а за ним все шла толпа со своими проблемами. Он решал их одну за другой и решил столько, что в конце концов остались только женщины и несколько мужчин, чьи проблемы были еще не решены. В глубине комнаты одинокая женщина медленно обмахивалась популярной брошюрой.

– А ты, – крикнул ей сеньор Эрберт, – у тебя что за проблема?

Женщина перестала обмахиваться.

– Я не участвую в этом празднике, мистер, – крикнула она через всю комнату. – У меня нет никаких проблем, я проститутка и получаю свое от всяких калек.

Сеньор Эрберт пожал плечами. Он пил холодное пиво – рядом со своими баулами – в ожидании новых проблем. Он вспотел.

Немного позже одна женщина отделилась от сидевшей за столиком компании и тихо заговорила с ним. У нее была проблема в пятьсот песо.

– А ты за сколько идешь? – спросил ее сеньор Эрберт.

– За пять.

– Скажи пожалуйста, – сказал сеньор Эрберт. – Сто мужчин.

– Это ничего, – сказала она. – Если я достану эти деньги, это будут последние сто мужчин в моей жизни.

Он окинул ее взглядом. Она была очень юной, хрупкого сложения, но в глазах была твердая решимость.

– Ладно, – сказал сеньор Эрберт. – Иди в комнату, а я буду тебе их присылать, каждого за пять песо.

Он вышел на улицу и стал звонить в колокольчик. В семь часов утра Тобиас увидел, что лавка Катарина открыта. Все было тихо. Полусонный, отекавший от пива сеньор Эрберт следил за поступлением мужчин в комнату девушки.

Тобиас тоже вошел. Девушка узнала его и удивилась, увидев в комнате.

– И ты тоже?

– Мне сказали, чтобы я вошел, – сказал Тобиас. – Мне дали пять песо и сказали – не задерживайся.

Она сняла с постели мокрую от пота простыню и подала Тобиасу другой конец. Она была тяжелой, будто из дерева. Они стали выжимать ее, выкручивая с обоих концов, пока она не приобрела свой нормальный вес. Перевернули матрас, чтобы теперь намокала от пота другая сторона. Тобиас проделал все, что только мог. Перед тем как уйти, он добавил пять песо к растущей горке бумажек рядом с постелью.

– Присылай всех, кого увидишь, – наказал ему сеньор Эрберт, – посмотрим, справимся ли мы с этим до полудня.

Девушка приоткрыла дверь и попросила холодного пива. Там еще ждали несколько мужчин.

– Сколько еще? – спросила она.

– Шестьдесят три, – ответил сеньор Эрберт.

Старый Хакоб весь день преследовал его со своей игровой доской. К вечеру его очередь подошла, он изложил свою проблему, и сеньор Эрберт принял его предложение. Они поставили два стула и столик прямо на большой стол, посреди заполненной людьми улицы, и старый Хакоб начал партию. Это был последний ход, который он мог заранее обдумать. Он проиграл.

– Сорок песо, – сказал сеньор Эрберт, – и я даю вам преимущество в две шашки.

Он снова выиграл. Руки его едва прикасались к фигурам. Он целиком уходил в игру, предугадывая позицию противника, и всегда выигрывал. Собравшиеся устали на них смотреть. Когда старый Хакоб решил сдаться, он был должен пять тысяч семьсот сорок два песо и двадцать три сентаво.

Он не пал духом. Записал цифру на бумажке и спрятал ее в карман. Потом сложил игральную доску, положил шашки в коробку и завернул все в газету.

– Делайте со мной что хотите, – сказал он, – но это оставьте мне. Обещаю вам играть весь остаток моей жизни, чтобы набрать эти деньги.

Сеньор Эрберт посмотрел на часы.

– От души сочувствую, – сказал он. – Срок истекает через двадцать минут. – Он подождал и убедился, что противник ничего не придумал. – Больше у вас ничего нет?

– Честь.

– Я хочу сказать, – объяснил сеньор Эрберт, – чего-то, что меняет цвет, если сверху пройти кистью, вымазанной краской.

– Дом, – сказал старый Хакоб так, будто отгадал загадку. – Он, правда, ничего не стоит, но это все-таки дом.

Так и получилось, что сеньор Эрберт получил дом старого Хакоба. Он получил также дома и имущество всех тех, кто не смог выполнить условия, но зато устроил целую неделю музыки, фейерверков, циркачей-канатоходцев и сам руководил праздником.

Это была памятная неделя. Сеньор Эрберт говорил о чудесной судьбе поселка, нарисовал даже город будущего с огромными стеклянными зданиями, на плоских крышах которых будут танцевальные площадки. Он показал его собравшимся. Они удивлялись, пытались найти себя в ярко раскрашенных сеньором Эрбертом прохожих, но те были так хорошо одеты, что узнать их было невозможно. От такой нагрузки у них заболело сердце. Они смеялись над своими слезами, которые проливали в октябре, и жили в тумане надежды до того дня, когда сеньор Эрберт позвонил в колокольчик и объявил об окончании праздника. Только тогда он решил отдохнуть.

– Вы умрете от такой жизни, какую ведете сейчас, – сказал старый Хакоб.

– У меня столько денег, – сказал сеньор Эрберт, – что нет причин умирать.

Он повалился на постель. Он спал дни и ночи, храпя, как лев, и прошло столько дней, что люди устали ждать. Им пришлось откапывать крабов и есть их. Новые пластинки Катарина стали такими старыми, что никто не мог слушать их без слез, – пришлось закрыть лавку.

Много времени спустя, как заснул сеньор Эрберт, в дом старого Хакоба постучался священник. Дверь была заперта изнутри. Спящий при дыхании тратил так много воздуха, что некоторые предметы, став легче, начали парить над землей.

– Я хочу с ним поговорить, – сказал священник.

– Надо подождать, – сказал старый Хакоб.

– У меня нет столько времени.

– Садитесь, святой отец, и ждите, – повторил старый Хакоб. – А пока сделайте одолжение – поговорите со мной. Я уже давно ничего не знаю о мире.

– Люди разбегаются. Очень скоро поселок станет таким же, как раньше. Вот и все новости.

– Вернутся, – сказал старый Хакоб, – когда море вернет запах роз.

– Пока что надо как-то сохранить иллюзии у тех, у кого они еще остались, – сказал священник. – Надо как можно скорее начать строительство церкви.

– Поэтому вы и пришли к мистеру Эрберту, – сказал старый Хакоб.

– Именно так, – сказал священник. – Гринго очень добры.

– Тогда ждите, святой отец, – сказал старый Хакоб. – Может, все-таки проснется.

Они стали играть в шашки. Это была долгая и трудная партия, они играли много дней, но сеньор Эрберт не проснулся.

Святой отец в конце концов пришел в отчаяние. Он везде бродил с медной тарелочкой для сбора пожертвований на строительство церкви, но того, что он раздобыл, было очень мало. От всех этих умоляний и упрашиваний он делался все более прозрачным, кости его начали стучать друг о друга, и однажды в воскресенье он приподнялся над землей на две кварталы, но об этом никто не узнал. Тогда он сложил одежду в чемодан, в другой – собранные деньги и распрощался навсегда.

– Запах не вернется, – сказал он тем, кто пытался его отговорить. – Нельзя закрывать глаза на очевидное – поселок погряз в смертном грехе.

Когда сеньор Эрберт проснулся, поселок был таким же, как раньше. Дождь месил грязь, изгнавшую людей с улиц, земля снова стала бесплодной и черствой, будто из кирпича.

– Долго же я спал, – зевнул сеньор Эрберт.

– Вечность, – сказал старый Хакоб.

– Я умираю от голода.

– Все остальные тоже, – сказал старый Хакоб. – Только и осталось – идти на берег и выкапывать крабов.

Тобиас нашел сеньора Эрберта ползающим по песку с пеной на губах и удивился, как голодные богачи похожи на бедняков. Сеньор Эрберт не мог найти подходящих крабов. Под вечер он предложил Тобиасу поискать что-нибудь поесть на дне моря.

– Что вы, – попытался предостеречь его Тобиас, – только мертвые знают, что там внизу.

– Ученые тоже знают, – сказал сеньор Эрберт. – Там, где кончается море кораблекрушений, внизу, под ним живут черепахи с очень вкусным мясом. Раздевайся и пойдем.

И они пошли. Отплыли от берега, потом ушли в глубину, все дальше и дальше, где сначала исчез свет солнца, потом моря и все светилось только своим собственным светом. Они проплыли мимо затонувшего поселка, где мужчины и женщины верхом на лошадях кружились вокруг музыкального киоска. День был прекрасный, и на террасах цвели яркие цветы.

– Он опустился на дно в воскресенье, около одиннадцати утра, – сказал сеньор Эрберт. – Должно быть, был потоп.

Тобиас поплыл к поселку, но сеньор Эрберт знаком показал ему следовать за ним в глубину.

– Там розы, – сказал Тобиас. – Я хочу, чтобы Клотильда увидела их.

– В другой раз вернешься со спокойной душой, – сказал сеньор Эрберт. – А сейчас я умираю от голода.

Он опускался как осьминог, таинственно шевеля длинными руками. Тобиас, изо всех сил старавшийся не терять его из виду, подумал: должно быть, так плавают все богатые. Постепенно они прошли море многолюдных катастроф и вошли в море мертвых.

Их было так много, что Тобиас подумал – он никогда не видел сразу столько живых людей. Они плыли не шевелясь, лицом кверху, один над другим, и вид у них был какой-то забытый.

– Это очень древние мертвецы, – сказал сеньор Эрберт. – Нужны века, чтобы достичь такого успокоения.

Пониже, там, где были недавно умершие, сеньор Эрберт остановился. Тобиас догнал его в тот момент, когда мимо них проплывала очень юная женщина. Она лежала на боку, глаза у нее были открыты, и за ней струился поток цветов.

Сеньор Эрберт приложил палец ко рту и так и застыл, пока не прошли последние цветы.

– Это самая красивая женщина, которую я видел в своей жизни, – сказал он.

– Это жена старого Хакоба, – сказал Тобиас. – Здесь она лет на пятьдесят моложе, но это она. Уверен.

– Много она обошла, – сказал сеньор Эрберт. – За ней тянется флора всех морей мира.

Они достигли дна. Сеньор Эрберт несколько раз повернул, идя по дну, похожему на рифленый шифер. Тобиас шел за ним. Только когда глаза привыкли к полумраку глубины, он увидел, что там были черепахи. Тысячи – распластанных на дне и таких же неподвижных, что они казались окаменелыми.

– Они живые, – сказал сеньор Эрберт, – но они спят уже миллионы лет.

Он перевернул одну. Тихонько подтолкнул ее кверху, и спящее животное, скользнув из рук, стало подниматься по неровной линии. Тобиас дал ей уплыть. Он только посмотрел туда, где была поверхность, и увидел всю толщу моря, но с другой стороны.

– Похоже на сон, – сказал он.

– Для твоего же собственного блага, – сказал сеньор Эрберт, – никому об этом не рассказывай. Представь себе, что за беспорядок люди учинят в мире, если узнают об этом.

Была почти полночь, когда они вернулись в поселок. Разбудили Клотильду, чтобы она вскипятила воду. Сеньор Эрберт свернул черепахе голову, но когда ее разделявали, всем троим пришлось догнать и отдельно убить сердце, потому что оно выскочило и запрыгало по двору. Наелись так, что не могли вздохнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.